

«Еврей, говори на иврите!»

Как одна безумная мечта изменила мир

Олег ПУЛЯ

Скажем сразу: во второй половине XIX столетия мечта о возрождении иврита завладела многими еврейскими умами, идея эта едва ли не носилась в воздухе — и вскоре стала стержнем сионизма. Идеологии, требовавшей решительного разрыва с порочным наследием диаспоры и со всеми теми языками, на которых говорил рассеянный по чуждым странам еврейский народ... В 1935 году либерал, европейский интеллигент и будущий первый президент первого еврейского государства Хаим Вейцман скажет: «Мы приехали в Эрец Исраэль не для того, чтобы копировать жизнь Варшавы, Пинска и Лондона. Суть сионизма — в изменении всех ценностей, усвоенных евреями под давлением чужих культур». Но слова эти прозвучат позже, много позже начала нашей истории...

«Еврей, говори на иврите!» — личный девиз Элиэзера Бен-Йехуды

А история по большому счету началась 7 января 1858 года в местности, безмерно далекой от тогдашней Палестины, — в крохотном городке Лужки Виленской губернии Российской империи. Именно там и тогда в небогатой еврейской семье появился на свет Лейзер-Ицхак Перельман. В самом имени не было ничего необычного, как ровным счетом ничего примечательного не нашлось бы и в первых полутора десятках лет жизни этого подающего надежды еврейского юноши. Вне всяких сомнений, имя это уже давным-давно забылось бы, без следа растаяло в неразличимой дали минувшего — в точности так же, как под натиском безумного и жестокого XX века растаяли имена миллионов жителей таких вот безвестных еврейских местечек.

Вот только юноша из Лужков был особенным. «Есть у меня мечта» — эти слова он мог бы сказать почти за столетие до знаменитой речи великого проповедника Мартина Лютера Кинга. И наверняка так и говорил — хотя и не перед таким множеством народа, как Кинг. Говорил самому себе. Просто потому, что его поистине безумная мечта была мечтой одиночки. Но иногда и одиночка сворачивает горы. А его мечта, как ни крути, в конечном итоге сделала всё же больше, нежели мечта Кинга...

Впрочем, хватит таинственности. Мечтатель из Лужков навеки вошел в историю Израиля как отец современного иврита Элиэзер Бен-Йехуда. Возрождению иврита как живого разговорного языка, его обогащению и развитию он отдал фактически всю свою жизнь — и этот растянувшийся на десятилетия беспрецедентный лингвистический эксперимент увенчал его величайшей славой как человека и как ученого.

раз никого не удивило. Но чтобы весь еврейский народ заговорил на иврите...

В те времена иврит можно было сравнить разве что с латынью: некогда широко распространенная, латынь как разговорный язык явно умерла. Так же и иврит, язык священнослужения и высокой культуры, лишился своей разговорной функции и не использовался в обычной жизни уже 17 столетий — вынужденный отход от него начался с поражения легендарного восстания Бар-Кохбы... Во всем мире евреи общались на языках стран, в которых проживали: на арабском и английском, турецком и французском, немецком и русском. И, конечно, где-то евреи-сефарды говорили на ладино, а почти все восточноевропейские — на идиш. Так что предлагавшееся возвращение к почти что мифологическому прошлому через иврит выглядело странной авантюрой. А главное, использование священного

языка Торы для «низменных» житейских целей многим казалось немислимым святотатством.

Но для Лейзера Перельмана это проблемой не стало, к тому же он не отличался особой религиозностью. Еще в 1879-м, в начале своего парижского студенчества, в статье «Жгучий вопрос» он сформулировал мысль о создании в Палестине духовного центра всего еврейского народа — и о необходимости возрождения иврита как живого языка общения. Поэтому, решив не затягивать с воплощением идей, в 1881 году он женился на Дворе Ионас, переехал в Палестину и сменил имя на Элиэзер Бен-Йехуда (Сын Иудеи). Тогда же они с женой решили общаться внутри семьи исключительно на иврите.

«Не переводами мы оживим язык, а лишь вложив его в уста наших потомков на той земле, где он когда-то цвел и плодоносил!»

Элиэзер Бен-Йехуда

Конечно, юности свойственно строить воздушные замки, а суровая правда жизни почти всегда безжалостно рушит их. Но эта мечта в отличие от многих обернулась вполне конкретным планом, помешать которому не смогли никакие невзгоды.

Получив среднее образование в реальном училище в Динабурге (ныне Даугавпилс), юноша в 1878 году уехал изучать медицину в культурную столицу Европы — Париж. Там он и пришел к окончательному и неколебимому убеждению, что его веками притесняемый народ сможет наконец-то обрести свободу, только переселившись в Эрец Исраэль и заговорив на своем истинном, священном языке — иврите. Впрочем, возвращаясь на свою прародину желали очень и очень многие, нарастал поток переселенцев в Палестину, пусть даже и подвластную Османской империи, и это как

Тем более что еще годом ранее Бен-Йехуда писал: «Чтобы иметь собственную землю и политическую жизнь... мы должны иметь язык иврит, на котором мы сможем говорить обо всех сферах жизни». Вот с этим-то и вышла загвоздка...

Богатый всевозможными словами, относящимися к религиозным обрядам и философии, иврит был практически лишен слов, выражающих элементарнейшие бытовые вещи и касающихся понятий, не существовавших тысячелетия назад. Но Бен-Йехуда оказался одаренным лингвистом — пусть даже и самоучкой, тем более что ученичество свое он начинал в ешивах и в детстве не один год учил тексты на иврите.

Так или иначе, когда в 1882-м у них родился сын Бен-Цион (Сын Сиона), он стал первым в новейшей истории ивритским ребенком — для которого иврит

был не выученным, а естественным, родным языком. Кстати, мальчику предрекали печальное будущее — окружающие были уверены, что в такой «ненормальной» языковой среде нормально развиваться ребенок не сможет. И действительно, Бен-Цион впервые заговорил только в возрасте 4 лет — по иронии судьбы, в момент яростной ссоры родителей, когда Бен-Йехуда обнаружил, что жена втайне от него напевает сыну русскую песенку! Но заговорил сын на иврите... Кстати, Бен-Цион уже в 15 лет отличился, отправив барону Ротшильду письмо с просьбой... выделить деньги на создание еврейской армии. А чтобы у филантропа не возникло и тени сомнений в его боевом настроении, мальчик перевел на иврит «Марсельезу».

Первые современные ивритские слова Бен-Йехуда изобрел как раз чтобы общаться с сыном, и неудивительно, что словами этими стали, например, «буба» — «кукла», «глида» — «мороженое», «офанам» — «велосипед». Вообще же придумал он более двух сотен слов, хотя четверть из них в иврите так и не закрепились.

Семейный лингвистический эксперимент оказался удачным, и окрыленный Бен-Йехуда сумел вовлечь в него еще четыре семьи, где с новорожденными также решили разговаривать только на иврите. Любопытно, что для каждой семьи, принявшей столь знаменательное решение, Бен-Йехуда просил первую, а после ее смерти в 1891-м и вторую жену испечь вкуснейший пирог. И всё бы хорошо, но за первые 20 лет таких пирогов испекли всего лишь десяток... То есть успехи иврита на его исторической родине поначалу совсем не впечатляли.

Впрочем, даже эти скромные достижения, неортодоксальное поведение самого Бен-Йехуды и, что неудивительно, развернутая им кампания против существования на пожертвования из стран диаспоры — частенько вызвали злость консерваторов и ортодоксальной религиозной общины. Так, в 1894 году «доброжелатели» отправили турецким властям донос, обвинявший Бен-Йехуду в подстрекательстве к антитурецкому восстанию. Впрочем, из тюрьмы ученого освободили из-за массового возмущения его сторонников — хотя в основном благодаря немалой сумме, уплаченной Ротшильдом.

«Для каждого дела необходим лишь один мудрый и энергичный человек, готовый приложить к нему все силы, и дело пойдет, несмотря ни на какие препятствия... Для каждого новшества, для каждого самого малого шага на пути прогресса нужен первопроходец, который не знает отступления», — писал Бен-Йехуда. Несомненно, имея в виду в первую очередь самого себя. Но в этих словах не было ни бахвальства, ни самолюбования, потому как он давно уже не питал иллюзий и сполна извещал всю горечь подвига одиночки.

И всё же дело шло. С 1882 по 1885 год Бен-Йехуда, учительствуя в одной из иерусалимских школ Всемирного еврейского союза, добился, чтобы некоторые предметы там впервые преподавались исключительно на иврите. В 1884 году он основал еженедельную газету «Ха-Цви» — «Газель» в переводе на русский (Эрец ха-Цви — Страна газелей — древнее поэтическое название Израиля), в 1908-м ставшую ежедневной. Это было первое в Палестине периодическое издание на иврите, соответствовавшее нормам просвещенной Европы. В 1890 году Бен-Йехуда стал учредителем Комитета языка иврит — сейчас это государственная Академия языка иврит.

А в 1910 году после многолетней подготовки он приступил к публикации «Полного словаря древнего и современного иврита». Это поистине эпохальное издание в 18 томах было завершено лишь в 1959-м. «Если возможно восстановить язык, на котором уже не говорят, и сделать его разговорным, выражающим всё, что хочет сказать хотя бы один человек, то,

несомненно, такой язык можно сделать разговорным и для всего общества», — написал Бен-Йехуда на одной из первых страниц своего словаря. Но, конечно же, эта мысль была путеводной звездой всей его жизни в Эрец Исраэль.

И, наконец, когда в начале Британского мандата, 29 ноября 1922 года, иврит был провозглашен одним из трех официальных языков подмандатной Палестины вместе с английским и арабским —